

СЕРДЦЕ ИЗ КАМНЯ

ЛИНИЯ РАЗЛОМА

— ТИАНА КИМ —

Тиана Ким

Сердце из камня.

Линия разлома

<https://litres.ru/74560342>

Аннотация

ОНА БРОСИЛА ЕМУ ВЫЗОВ. ОН РЕШИЛ ЕЁ СЛОМАТЬ.

Когда я вышла на сцену и сказала, что его здание — бездушная коробка, я не думала о последствиях. Я просто хотела, чтобы он меня услышал.

Эрик Ван дер Меер — бог архитектуры. Холодный, закрытый, властный. Человек, который не прощает ошибок. И он меня услышал.

Теперь я — его студентка, его подчинённая, его мишень. Он поселил меня в своём особняке, завалил работой и обещал уничтожить. Но он не знает: меня ломали всю жизнь. Я всё ещё стою.

Я вижу его шрамы — и на руках, и в душе. Я слышу, как он играет по ночам, когда думает, что никто не слышит. Я знаю: за маской из стекла и бетона прячется кто-то живой.

Говорят, от ненависти до любви — один шаг. Но этот шаг может стоить нам всего. Карьеры, репутации, свободы.

Я сделаю его. Даже если для этого придётся разбить сердце из камня.

Содержание

Пролог. Девочка которая бросила камень	4
Глава 1. Тот, кто не прощает	15
Глава 2. Ключи от ада	25
Глава 3. Холод	36
Глава 4. Первая ночь	46
Глава 5. Трещина	53
Глава 6. Слухи	58
Глава 7. Золотая клетка	64
Глава 8. Ночной разговор	75
Глава 9. Проект	85
Глава 10. Рассветы	93
Глава 11. Чужая	97
Глава 12. Призрак прошлого	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Пролог. Девочка которая бросила камень

POV: Лина

Воздух в актовом зале Академии Архитектуры был спёртым до тошноты. Пахло нагретой пылью, старой штукатуркой и дорогим парфюмом — Жанна, как обычно, вылила на себя полфлакона. Её духи — запах денег и власти, от которого у меня всегда першило в горле, — висели в зале плотной завесой, смешиваясь с запахом пота и волнения.

Сто двадцать человек в зале. Сто двадцать будущих архитекторов, и каждый из них знал, кто такой Эрик Ван дер Мер. Знал его проекты, его состояние, его репутацию неприступного гения. И каждый из них знал, что сегодня я буду разбирать его жилой комплекс «Кристалл» — флагманский проект, который пять лет назад получил международную премию.

Никто не верил, что я осмелюсь сказать правду.

Проектор гудел, как растревоженный улей. Экран светился мертвенно-белым. Я стояла на сцене, и пульт в моей руке

дрожал так, что приходилось сжимать его изо всех сил, чтобы не выронить. Мои ладони были влажными. Сердце колотилось где-то в горле — не от страха, а от странного, обжигающего предвкушения.

Я готовилась к этому три месяца. Три месяца бессонных ночей в общежитии, когда Вера ворочалась на соседней койке и просила выключить свет, а я сидела над чертежами «Кристалла» до рассвета. Три месяца копания в документации, в отзывах жильцов, в теплотехнических расчётах и планах этажей. Я знала это здание лучше, чем собственный дом. Лучше, чем лицо отца, которое с каждым годом стиралось из памяти.

«Кристалл» был шедевром. Это знали все. Двадцать четыре этажа стекла и стали, идеальные пропорции, продуманная аэродинамика, премиальные материалы. Жилой комплекс, о котором писали архитектурные журналы. Проект, который принёс Ван дер Мееру мировую славу.

Но я видела то, чего не видели критики. Я видела пустоту внутри.

— Это здание — шедевр инженерной мысли, — мой голос прозвучал громче, чем я сама ожидала. Он раскатился по залу и ударился о заднюю стену. Тишина стала стеклянной.

Один неверный звук — и она расколется.

Я нажала кнопку на пульте. На экране появилась моя анимация — результат трёх месяцев работы. Фасад «Кристалла» в разрезе. Движение людских потоков — или, вернее, их отсутствие. Точки притяжения, которых нет. Мёртвые зоны в холлах. Коридоры, в которых люди ускоряют шаг, потому что пространство давит на психику.

— Но оно не для людей, — сказала я. — В нём нет места жизни. Нет точки, в которой хочется задержаться. Нет воздуха. Это не дом. Это — мавзолей с панорамными окнами.

По залу прокатился шёпот. Кто-то ахнул. Кто-то нервно хохотнул. Декан в первом ряду побледнел так, что его лицо слилось с белым воротничком рубашки. Он дёрнул головой в мою сторону, и его губы зашевелились — кажется, он пытался беззвучно приказать мне заткнуться.

Но было поздно. Я уже не могла остановиться. Слова лились сами — те, что я репетировала перед зеркалом в общаге, когда Вера уходила на пары.

— В этих стенах не хочется дышать. В этих коридорах не хочется жить. Это здание — оно мёртвое. Оно красивое, как труп в дорогом костюме. Но красота без души — это не

архитектура. Это декорация.

Тишина стала абсолютной. Даже проектор перестал гудеть — или мне так показалось. Я смотрела в зал, на размытые лица студентов, и чувствовала, как внутри разрастается странное, звенящее чувство.

Я сказала правду. Ту, о которой шептались в курилках и на лестничных пролётах, но которую никто не решался произнести вслух. Эрик Ван дер Меер был богом. А богов не критикуют.

И тогда из темноты первого ряда поднялась фигура.

Сначала я увидела только силуэт. Высокий, с идеальной осанкой, в чёрной водолазке, обтягивающей широкие плечи. Свет от экрана скользнул по гладко зачёсанным тёмным волосам, по резкой линии скул, по губам, сжатым в тонкую линию.

Эрик Ван дер Меер. Лично.

Зал ахнул. Сто двадцать человек втянули воздух одновременно, и получился странный, свистящий звук — будто из комнаты разом выкачали кислород.

Я не знала, что он здесь. Никто не знал. Он не должен был присутствовать на открытых защитах. Он вообще редко появлялся в Академии — говорили, что после «Кристалла» он отошёл от преподавания. Но сейчас он был здесь. Сидел в первом ряду, в тени, скрытый от всех, и слушал каждое моё слово.

Он вышел под луч прожектора, и время остановилось.

Я видела его раньше только на фотографиях в архитектурных журналах и на сайте бюро «Vandermeer». Но реальность оказалась другой. Он был выше, чем я думала. И холоднее. Его лицо — будто высеченное из того же гранита, который он использовал в своих проектах, — не выражало ни гнева, ни удивления. Ничего. Только холод, от которого у меня внутри всё сжалось до размеров крошечной, дрожащей точки.

Он не смотрел на меня. Он смотрел сквозь. Будто я уже была пустым местом, будто всё, что я сказала, — не заслуживало даже опровержения.

А потом он заговорил.

— Запомните эту девушку.

Голос — низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Он не повышал его. Не напрягал связки. Но каждое слово впечатывалось в сознание, как гвоздь, который забивают в бетонную стену.

— Она только что подписала себе приговор.

Ни угрозы. Ни эмоции. Только констатация факта — ровная, холодная, неумолимая.

Он развернулся и пошёл к выходу. Его шаги — размеренные, тяжёлые — отдавались от паркета глухим стуком. Чёрная водолазка обтягивала спину идеальным треугольником. Он ни разу не обернулся.

Зал молчал ещё секунд десять после того, как за ним закрылась дверь. А потом взорвался шёпотом, как чайник, с которого сорвали крышку.

— Ты видела? Это был он!

— Она совсем больная...

— Самоубийца. Она — самоубийца.

Я стояла на сцене, смотрела на море лиц, искажённых сме-

сю ужаса и злорадства, и чувствовала, как внутри разгорается странный, обжигающий огонь. Это был не страх. И не стыд. Это было другое.

Он меня увидел.

Я стала видимой. После трёх лет в Академии, где меня не замечали, где мои проекты задвигали в дальний угол, где Жанна с её папой-застройщиком получала лучшие места на стажировках, а я довольствовалась обедами с барского стола, — он меня увидел.

И пусть ценой этому станет моя карьера. Пусть. Я не жалела.

Вера ждала меня в коридоре. Бледная, с расширенными от ужаса глазами, она схватила меня за руку и сжала так, что побелели костяшки.

— Ты с ума сошла. Ты точно сошла с ума.

— Возможно, — сказала я. Губы едва слушались. — Но ты слышала его? Он меня запомнил.

— Он тебя уничтожит, Лина. Ван дер Меер уничтожает всех, кто встаёт у него на пути. Ты же знаешь, что случилось

с...

— Я знаю, — перебила я. — Все знают. Но я не могла промолчать. Ты понимаешь? Не могла. Это здание — оно действительно мёртвое. И кто-то должен был сказать это вслух.

Мы шли по коридору, и наши шаги гулко отдавались от каменных стен. За окнами моросил дождь — вечный, питерский, мелкий, как пыль. Осень в этом году была особенно серой. Небо висело над городом тяжёлой бетонной плитой, и казалось, что оно никогда не разойдётся.

В общежитии было тихо. Воскресенье, все разъехались по домам или зависали в городе. Наш блок — крошечная комната на двоих с облезлыми обоями и вечно капающим краном — встретил меня запахом сухой штукатурки и Вериного чая с бергамотом.

Я села на кровать, не раздеваясь. Стянула ботинки. Пальцы ног замёрзли — отопление ещё не включили, а батареи были ледяными, как руки Ван дер Меера в чёрных перчатках.

Зачем он носит перчатки? Даже в помещении. Даже на фотографиях. Странная деталь, которая зацепилась в сознании и не отпускала.

Я открыла ноутбук. Экран загорелся, осветив моё лицо мертвенным синеватым светом. По привычке проверила почту — и замерла.

Новое письмо. Тема: «Назначение. Проект „Собор Испытания“».

Адрес отправителя: бюро «Vandermeer».

Кровь отхлынула от лица. Я смотрела на эти строки, и пальцы, лежащие на тачпаде, онемели. «Собор Испытания» — проект, о котором говорила вся Академия. Мегапроект. Шанс восстановить репутацию Ван дер Меера после катастрофы, о которой шептались в курилках, но которую никто не обсуждал открыто.

Меня прикрепили к его команде.

Он сам меня выбрал.

— Что там? — Вера подошла сзади, заглянула через плечо. Её кружка с чаем замерла в воздухе. — О господи. Лина...

— Он выбрал меня, — прошептала я. Голос прозвучал

хрипло и чуждо.

— Это ловушка. Ты понимаешь? Он хочет тебя уничтожить. Это же очевидно!

— Да, — сказала я. — Наверное.

Я закрыла ноутбук. Подошла к окну. За мутным стеклом темнел питерский вечер — сырой, промозглый, безнадёжный. Где-то вдалеке горели огни мостов, отражаясь в чёрной воде каналов. Город гранита и теней. Город, который я полюбила с первого взгляда, но который так и не полюбил меня в ответ.

Я вспомнила отца. Его руки, вечно в цементной пыли. Его голос: «Архитектор — это не тот, кто рисует, а тот, кто строит. Стучи, Лина, пока не откроют».

Я достала из рюкзака деревянный молоток — маленький, потёртый, с выжженными на ручке буквами «Л.М.». Талисман, который отец вырезал для меня, когда мне было семь лет. Единственная вещь, оставшаяся от него.

Стучи, пока не откроют.

Я сжала молоток в кулаке. Дерево было тёплым от моей

ладони.

— Я не сломаюсь, — сказала я тихо. — Он думает, что я сломаюсь. Но я не сломаюсь.

За окном шёл дождь. Осень переходила в зиму. И где-то в центре этого серого, бесконечного города человек по имени Эрик Ван дер Меер ждал меня — чтобы сломать или чтобы что-то другое, чего я пока не понимала.

Но я собиралась понять.

Глава 1. Тот, кто не прощает

POV: Эрик

Пять тридцать.

Будильник не звенел. Я просыпался сам — тело, отточенное годами дисциплины, знало свой ритм лучше любых механизмов. В особняке было тихо. Только низкое гудение системы климат-контроля и редкие удары дождевых капель по стеклу. Ноябрь в Петербурге — время, когда дождь становится частью архитектуры.

Я сел на кровати. Жёсткий матрас на бетонном подиуме. Никаких изголовий, никаких спинок — только плоскости. Спальня была моим первым самостоятельным проектом после того, как я купил этот особняк на Каменноостровском пять лет назад. Я снёс все стены, оставил несущие колонны, залил полы серым микроцементом и вставил окна в пол — от пола до потолка, без рам, без переплётов. Архитектор, который не может спроектировать собственное пространство, не имеет права проектировать для других.

Ни одной картины на стенах. Ни одной фотографии. Ни одной личной вещи, за которую мог бы зацепиться взгляд.

Только на прикроватной тумбочке — осколок кирпича.

Он лежал там семь лет. Маленький, обожжённый, с острыми краями, которые крошились от времени. Я не смотрел на него. Я никогда на него не смотрел. Но каждое утро, просыпаясь, я чувствовал его присутствие кожей. Единственный свидетель, который не умеет лгать. Единственное, что осталось от того дня.

Я поднялся. Босые ступни коснулись холодного бетона — полы с подогревом я не признавал, тепло должно идти изнутри, а не снизу. Дошёл до ванной. Умылся ледяной водой. Посмотрел в зеркало.

Из отражения смотрел мужчина тридцати пяти лет. Тёмные волосы, гладко зачёсанные назад. Лицо, которое женщины называли красивым, а конкуренты — каменным. Глаза серые, как ноябрьское небо за окном. Ни морщин, ни эмоций — только резкие линии скул и подбородка, будто прочерченные рейсфедером по ватману.

Я отвёл взгляд. Не люблю зеркала. В них слишком много правды.

Кофе. Чёрный, без сахара, ровно шестьдесят пять гра-

дусов. Я заваривал его в хемексе — стеклянной колбе, которая требовала точности и терпения. Каждое утро одни и те же движения: смолоть зёрна, нагреть воду до кипения, дать остыть полминуты, залить тонкой струйкой по спирали. Ритуал важнее содержания. Порядок — единственное, что удерживает этот мир от окончательного распада.

Бассейн на цокольном этаже. Двадцать пять метров. Я плыл кролем — два километра, сорок дорожек. Мышцы разогревались, лёгкие расширялись, сердце гнало кровь по венам. Но голова оставалась холодной. Всегда холодной. Я не позволял себе думать во время плавания — только считать гребки. Раз. Два. Три. Вдох. Снова.

После душа я натянул перчатки. Чёрные, тонкие, из итальянской лайки. Они сидели как вторая кожа — специальный заказ, три пары в месяц, доставляют из Милана. Почти никто не знал, что под ними. Марк знал. Игорь знал. Остальным незачем.

Костюм. Чёрная водолазка. Чёрные брюки. Чёрные ботинки — handmade, Оксфорд, но без единой строчки снаружи, кожа в кожу. Я одевался так, как проектировал здания: ничего лишнего, только конструктив. Цвет — только чёрный. Чёрный — это не цвет. Это отсутствие цвета. Отсутствие выбора. Отсутствие эмоций.

Бюро «Vandermeer» находилось на Большой Морской, в бывшем особняке девятнадцатого века, который я перестроил изнутри, оставив исторический фасад. Моё архитектурное кредо: уважай прошлое, но не позволяй ему диктовать настоящее. Старые стены, новая начинка. Стекло, бетон, свет.

Марк ждал меня в кабинете. Сидел на краю стола для совещаний, листал планшет. Подтянутый, в рубашке поло и с вечной кружкой растворимого кофе в руке — единственный человек, которому позволялось сидеть на моём столе и пить эту бурду в моём присутствии.

Ему было тридцать. Мы познакомились восемь лет назад, когда он был ассистентом на второстепенном проекте. После обрушения он единственный не отвернулся. Единственный, кто пришёл в больницу и сказал: «Я знаю, что это не твоя вина». Я никогда не говорил ему, как много это значило. Но он знал.

— Докладывай.

Он поднял голову. В его глазах — то выражение, которое я слишком хорошо изучил за эти годы: смесь преданности и осторожности. Так смотрят на спящий вулкан: вроде бы

тихо, но кто знает, когда рванёт.

— «Собор Искупления», — сказал он. — Утверждена комиссия. Во главе — Игорь.

Игорь.

Имя повисло в воздухе, как запах гари. Семь лет. Семь лет он ждал этого момента. Семь лет он плёл интриги, перекупал тендеры, распускал слухи. Человек, который когда-то называл меня другом. Человек, который знал о том проекте всё — каждый болт, каждую балку, каждый расчёт. Человек, которого я не смог простить.

— Продолжай, — сказал я ровно.

— Бюджет утверждён. Сроки — восемнадцать месяцев. Объект — многофункциональный комплекс на Васильевском. Заказчик хочет, чтобы это стало новым символом города. Что-то вроде «Кристалла», но...

— Но без обрушений, — закончил я.

Марк поморщился, но не стал спорить.

— И ещё. Ты выбрал студентку в команду. Ту самую. С

рыжими волосами. Лина Морозова.

Я ничего не ответил. Прошёл к столу, сел в кресло — чёрная кожа, стальной каркас, ни одной лишней детали. Открыл её досье.

На экране появилась фотография. Девушка с упрямым подбородком и рыжими волосами, собранными в небрежный пучок — несколько прядей выбивались и падали на лоб. Глаза — зелёные с янтарными крапинками, или мне это показалось из-за плохой цветопередачи монитора. Они смотрели прямо в камеру, и в них было что-то, от чего у меня на секунду сбилось дыхание.

Не страх. Не подбострастие. Огонь.

— Зачем она тебе, Эрик? — спросил Марк. — Я серьёзно. Ты никогда не берёшь студентов. Ты вообще людей в команду не берёшь без трёх собеседований. А тут — девчонка, которая назвала твой лучший проект трупом. Зачем?

Я пролистал её эскизы. Они были ужасны. Пропорции нарушены, академический рисунок хромал на обе ноги, тени наложены слишком густо, линии дрожали — девчонка не умела чертить, она рисовала, как рисуют дети, повинаясь не правилам, а инстинкту. Но в каждой линии был огонь. В каж-

дом штрихе — желание не «сделать как надо», а «сделать как чувствуется».

Такой же огонь был у меня. До того, как всё рухнуло. До того, как я понял: эмоции убивают. До того, как я решил, что больше никогда.

— Чтобы напомнить себе, каким я был, — сказал я наконец. — Или чтобы уничтожить этот огонь. Посмотрим.

Я закрыл досье. Её лицо осталось на сетчатке. Рыжие волосы, острый подбородок, глаза, которые не умеют бояться. Или умеют, но всё равно смотрят прямо.

— Завтра она переступит порог этого бюро, — сообщил Марк. — Я подготовлю рабочее место?

— Нет. Пусть сидит в приёмной. Пусть ждёт.

— Сколько?

— Двадцать минут. Ровно.

Марк кивнул и вышел. Я остался один.

Дождь за окном усилился. Капли барабанили по стеклу,

стекали вниз кривыми дорожками. Петербург за стеклом был похож на чертёж, который кто-то забыл раскрасить: серое небо, серые стены, серые тени.

Я поднёс руку в перчатке к лицу. Медленно стянул лайку с левой руки.

Шрамы начинались от запястья и уходили вверх, под рукав водолазки. Плотные, уродливые, бугристые — кожа, стянутая в жгуты после десятка операций. Семь лет назад бетонная плита весом в три тонны превратила мои руки в фарш. Врачи сказали: повезло, что остался жив. Врачи сказали: подвижность пальцев сохранить не удастся. Врачи ошиблись. Я разрабатывал их сам, через боль, через кровь, через ежедневную пытку. Я снова научился чертить. Научился играть на рояле. Научился застёгивать пуговицы. Но кожа осталась. Напоминание о том, что бывает, когда пускаешь в проект слишком много сердца.

Я натянул перчатку обратно. За окном темнело. Где-то в этом городе девчонка с рыжими волосами собирала вещи, не зная, что завтра её жизнь изменится навсегда.

Что ж, Лина Морозова. Посмотрим, как долго ты продержишься.

Я выключил компьютер. Поднялся. Взял с вешалки пальто — чёрное, кашемировое, без единого шва. Вышел из кабинета.

Шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Бюро давно опустело — мои сотрудники знали, что задерживаться после моего ухода не принято. Только охрана на первом этаже кивнула мне и отвернулась к мониторам.

На улице пахло прелой листвой и бензином. Дождь моросил мелкой водяной пылью — не дождь даже, а так, взвесь влаги в воздухе. Я не раскрыл зонт. Пошёл пешком по Большой Морской, мимо старых особняков с лепниной на фасадах, мимо новых бизнес-центров из стекла и стали.

Город архитекторов. Город, который построили такие, как я. И такие, как она, — упрямые, голодные, верящие, что могут изменить мир одной силой таланта.

Я тоже так верил. Однажды.

Теперь я знал правду. Талант не меняет мир. Мир меняет талант. Ломает. Перемалывает. Выплёвывает осколки.

Но эта девчонка... В её глазах было что-то, что зацепило меня. Что-то, что я не ощущал уже много лет. Может быть,

это была надежда. Может быть, я просто слишком давно не позволял себе ничего чувствовать.

А может быть, я просто хотел увидеть, как этот огонь погаснет.

Я свернул на Каменноостровский и скрылся за тяжёлой дубовой дверью своего особняка. Завтра начнётся игра.

И я не проигрываю. Никогда.

Глава 2. Ключи от ада

POV: Лина

Письмо пришло в пятницу вечером — то самое, которое я открыла, сидя на кровати в общежитии, пока Вера гремела чайником на кухне. Я перечитывала его весь уик-энд, наверное, раз двадцать. Открывала ноутбук, вглядывалась в экран, снова закрывала. Буквы не менялись, но каждый раз отзывались внутри по-новому — то диким страхом, то обжигающим предвкушением.

«Морозова Лина Андреевна. Назначение в проектную группу „Собор Искупления“. Руководитель — Ван дер Меер Э. Р. Явка в понедельник, 9:00. Большая Морская, 15. Пропуск заказан».

И всё. Ни «уважаемая», ни «приглашаем», ни «ждём с нетерпением». Просто констатация факта, как приказ по армии. Явиться. Быть. Не опоздать.

— Ты точно сошла с ума, — сказала Вера в десятый раз. Она сидела на своей койке, поджав колени к подбородку, и смотрела на меня, как на смертницу, идущую на эшафот. — После того, что ты сказала на защите? Он же тебя сожрёт.

Разжуёт и выплюнет.

— Может быть, — ответила я. — Но это мой шанс.

— Шанс на что? На публичную казнь?

Я не ответила. Смотрела в окно на серое питерское небо и думала о том, что Вера права. Ван дер Меер не из тех, кто прощает. О нём ходили легенды — одна мрачнее другой. Говорили, что он уволил ассистента за неправильно заваренный кофе. Говорили, что он не разговаривает с людьми, которые допустили ошибку в расчётах, — просто вычёркивает их из списка. Говорили, что после обрушения семь лет назад он изменился. Стал машиной. Стал камнем.

Но я помнила его глаза в актовом зале — холодные, серые, смотрящие сквозь. И что-то в их глубине. Что-то, что не было безразличием.

Страх? Боль? Я не знала. Но я собиралась узнать.

Общага жила своей жизнью. За стеной кто-то слушал музыку — глухой бас долбил по перегородке из ДСП. В коридоре кричали, на кухне дрались за конфорку. Наш блок — крошечная комната на двоих, десять квадратных метров, облезлые обои в цветочек и вечно капающий кран — был мо-

им домом уже три года. С тех пор как я приехала в Питер из Ягодного — городка, про который никто не слышал и который даже на картах не обозначен.

Отец умер пять лет назад. Рак лёгких — строительная пыль, цемент, асбест, он работал на стройках всю жизнь и никогда не носил респиратор. Мать ушла ещё раньше — когда мне было семь, она собрала чемодан и исчезла. Без объяснений, без прощальных записок. Просто однажды её не стало. Отец растил меня один. Учил забивать гвозди. Учил чертить прямые линии без линейки — «потому что в жизни, Лина, нет линеек, только глазомер и характер».

Он не дожил до моего поступления в Академию полгода. Я поступала одна, сжимая в кармане деревянный молоток — талисман, который он вырезал для меня, когда мне было семь. Крошечный, с выжженными на ручке буквами «Л.М.». «Стучи, пока не откроют», — сказал он тогда. И я стучала. Три года. В двери комиссий, в двери конкурсов, в двери мастерских. И вот теперь самая страшная дверь из всех распахнулась передо мной.

Я открыла шкаф. Из одежды у меня было только то, что куплено на распродажах и донашивалось по третьему кругу. Единственное приличное платье — тёмно-синее, с белым воротничком, купленное год назад в секонд-хенде за полто-

ры тысячи рублей. Я надела его, пригладила волосы, подвела глаза. Посмотрела в зеркало.

Из отражения смотрела девушка, которая боялась до дрожи в коленях, но ни за что не покажет это.

— Если он тебя тронет... — начала Вера.

— Он не тронет. Он холодный, как морг. Ему неинтересны люди.

— Вот этого я и боюсь, — тихо сказала Вера.

Я взяла рюкзак. Сунула во внутренний карман молоток. Он лежал там, как оберег, как напоминание о том, кто я и откуда. Дочь строителя. Девочка из Ягодного. Человек, который привык стучать, пока не откроют.

— Лина, — окликнула Вера, когда я уже взялась за ручку двери. Я обернулась. Она смотрела на меня странным, почти испуганным взглядом. — Ты ведь понимаешь, что он не просто так тебя выбрал? После того, что ты сказала? Это не повышение. Это...

— Я знаю, — перебила я. — Это наказание.

И вышла в коридор.

Питер встретил меня мелким дождём и ветром с Невы. Я шла по набережной, кутаясь в тонкий плащ — на хорошее пальто денег не было, а это я купила ещё в Ягодном, три зимы назад. Холод пробирался под воротник, заставлял дрожать. Ноющая, мокрая осень. Небо висело так низко, что, казалось, его можно потрогать рукой.

Большая Морская, 15. Бывший особняк девятнадцатого века. Серый фасад, лепнина, тяжёлые дубовые двери. Я остановилась перед входом и запрокинула голову. Пять этажей. Стекло, сталь, камень. Ван дер Меер перестроил здание изнутри, сохранив исторический фасад, — я читала об этом в архитектурном журнале, ещё на первом курсе. Тогда он казался мне гением. Сейчас — палачом.

Я толкнула дверь. Вошла.

Холл был огромным, светлым и совершенно пустым. Белые стены, бетонный пол, никакой мебели — только стойка ресепшена, похожая на ледяную глыбу. За ней сидела девушка с идеальной укладкой и лицом манекена.

— Морозова, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — К Ван дер Мееру. Назначена на девять.

Девушка скользнула по мне равнодушным взглядом. Нажала кнопку.

— Вас проводят. Подождите.

Я ждала. Стояла посреди пустого холла, переминалась с ноги на ногу и чувствовала, как холод от бетонного пола поднимается по щиколоткам. Минуты текли медленно, как замерзшая вода в Неве. Пять. Десять. Пятнадцать.

Меня никто не провожал.

На двадцатой минуте я поняла: это проверка. Он заставляет меня ждать. Нарочно. Чтобы показать, кто здесь хозяин.

Я стиснула зубы. Рука сама потянулась к карману рюкзака, нащупала молоток. Стучи, пока не откроют. Ладно, Ван дер Меер. Я умею ждать. Я три года ждала своего шанса. Подожду ещё.

На двадцать пятой минуте из лифта вышел Марк — его имя я знала из статей, ассистент Ван дер Меера, правая рука, единственный, кто имел доступ к телу. Подтянутый, в рубашке поло, с вечной кружкой растворимого кофе. Он посмотрел на меня с сочувствием, почти с жалостью.

— Морозова? Идёмте. Он вас ждёт.

Нет, он не ждал. Он заставлял меня ждать. И это было только начало.

Лифт был стеклянным, прозрачным, как и всё в этом здании. Нигде не спрятаться, нигде не укрыться от чужих глаз. Мы поднимались на четвёртый этаж, и я видела, как проплывают мимо ярусы открытого пространства — архитекторы за компьютерами, макеты на столах, стены, завешанные чертежами. Бюро «Vandermeer» было ульем, в котором каждый занимал свою ячейку и работал в полной тишине.

Марк остановился перед дверью из матового стекла. На ней не было таблички — только гравировка: «Vandermeer».

— Он внутри. И... — Марк замялся, будто хотел сказать что-то ещё, но передумал. — Удачи.

Я толкнула дверь.

Кабинет был огромным. Даже не кабинет — зал. Стеклянная стена во всю высоту, выходящая на внутренний двор. Бетонный пол. Никакой мебели, кроме чёрного стального стола и двух стульев. Никаких картин на стенах. Никаких цветов,

книг, личных вещей. Как в операционной.

За столом сидел он.

Чёрная водолазка. Чёрные перчатки. Лицо, будто высе-
ченное из гранита. Он не поднял головы, когда я вошла. Про-
должал что-то писать — резкими, точными движениями до-
рогой перьевой ручки.

Я стояла. Секунды текли. Где-то внизу, на Большой Мор-
ской, проехал трамвай, и стёкла кабинета едва заметно за-
вибрировали.

Наконец он поднял взгляд.

— Садитесь.

Ни приветствия. Ни имени. Ни намёка на то, что он пом-
нит меня — хотя, конечно, помнил. Такие, как он, не забы-
вают тех, кто называл их главный проект мертвецом.

Я села. Стул был жёстким, без подлокотников, без воз-
можности откинуться — сиди прямо и не расслабляйся. Ещё
одна проверка? Или он просто не признавал комфорта?

— Вы назначены в проектную группу «Собора Искупле-

ния», — заговорил он. Голос — низкий, с лёгкой хрипотцой. Без интонаций. Как метроном. — Ваша должность — младший архитектор-стажёр. Ваша задача — делать то, что я скажу. Без обсуждений, без инициатив, без «рюшечек». Вы здесь не для того, чтобы говорить. Вы здесь, чтобы учиться.

Я стиснула зубы. Слова «рюшечки» резанули по самому больному — именно так он назвал мои эскизы тогда, на защите? Нет, он не произносил этого вслух. Но я чувствовала: он думает именно так.

— Я поняла, — сказала я.

— Хорошо. Ваше первое задание: перерисуйте типовой проект подземной парковки. Стандартный сет, без изменений. К завтрашнему утру. Всё.

Он протянул мне папку — чёрную, без надписей. Я взяла её. Наши пальцы не соприкоснулись — его рука в перчатке отодвинулась прежде, чем я успела коснуться.

— Можете идти. Рабочее место в общем зале, стол номер семнадцать. Марк покажет.

Я встала. Сделала шаг к двери. Остановилась.

— Господин Ван дер Меер.

Он поднял голову. Серые глаза посмотрели на меня — холодно, без интереса.

— Почему вы выбрали меня? После того, что я сказала?

Пауза. Долгая, звенящая. Я думала, он не ответит.

— Потому что вы умеете ненавидеть, — сказал он наконец. — А ненависть — это топливо. Посмотрим, на сколько вас хватит.

Я вышла в коридор. Дверь из матового стекла закрылась за мной с мягким, почти неслышным щелчком. Прислонилась спиной к стене. Сердце колотилось как бешеное. Он выбрал меня, потому что я умею ненавидеть.

Нет. Не поэтому.

Он выбрал меня, потому что я увидела правду о «Кристалле». И он знал, что я права. Но признать это вслух было выше его сил.

Я сжала папку в руках и пошла искать стол номер семнадцать. Завтра к утру у него на столе будет лежать проект

парковки. И он будет хорошим. Даже если мне придётся не спать всю ночь.

Даже если это только начало войны.

Глава 3. Холод

POV: Лина

Стол номер семнадцать стоял в углу общего зала — подалеже от окон, поближе к колонне, за которой меня почти не было видно. Место изгоя. Место, куда ссылают тех, кого не хотят замечать.

Я села, открыла папку. Типовой проект подземной парковки. Семь листов: планы, разрезы, спецификации, узлы. Скучный, бездушный, стандартный, как больничный коридор. Парковка на двести машин. Въезд, выезд, вентиляция, пожарные выходы. Ничего лишнего. Ничего живого.

Задание было оскорбительно простым. Перечертить — значит, даже не проектировать. Просто скопировать. Как первокурсница на уроке черчения. Он хотел меня унижить. Хотел показать, что все мои амбиции, все мои эскизы с «рюшечками» здесь не стоят ничего.

Я включила компьютер. Открыла AutoCAD. Положила пальцы на клавиатуру.

Ладно, Ван дер Меер. Ты думаешь, я сломаюсь. Ты дума-

ешь, что девчонка из Ягодного, которая сказала дерзость на защите, — просто выскочка. Ты ошибаешься. Я не сломаюсь.

Я начала чертить.

POV: Эрик

Я смотрел на неё через стеклянную стену кабинета. Она сидела за столом номер семнадцать — я специально распорядился посадить её туда, в самый дальний угол, подальше от окон и от остальных сотрудников. Пусть чувствует своё место.

Она не плакала. Не сутулилась. Не смотрела по сторонам в поисках поддержки. Она просто открыла AutoCAD и начала работать.

Чёрт. Я почти восхищался ею — если бы ещё помнил, что значит восхищаться.

— Ты же понимаешь, что это садизм? — Марк стоял в дверях, скрестив руки на груди. — Дать ей типовой проект парковки? Это же оскорбление.

— Это тест.

— На что?

— На прочность. Если она сделает то, что я сказал, — она слабая. Если она сделает по-своему — она глупая. И в том, и в другом случае ей здесь не место.

Марк покачал головой. Он хотел сказать что-то ещё, но передумал. Семь лет работы со мной научили его отличать моменты, когда спорить бесполезно.

Я отвернулся от стекла. Сел за стол. Взял ручку.

Но перед глазами всё равно стояла она. Рыжие волосы, собранные в пучок. Зелёные глаза, которые не умеют бояться. Пальцы, замершие над клавиатурой.

Я не знал, зачем взял её в команду. Вернее, знал, но не хотел признаваться даже себе. В ней был огонь. Тот самый огонь, который горел во мне десять лет назад, до того, как всё рухнуло. И я хотел увидеть, можно ли его погасить.

Или, может быть, — можно ли его зажечь снова.

POV: Лина

В три часа ночи Вера прислала сообщение: «Ты жива?» Я

ответила смайликом и отложила телефон. Парковка на экране выглядела именно так, как просил Ван дер Меер: стандартная, скучная, безжизненная. Типовые размеры машино-мест. Типовые радиусы поворотов. Типовые разрезы. Никаких «рюшечек».

Я сохранила файл. Потянулась. Шея затекла, глаза щипало от экрана.

И вдруг остановилась.

Посмотрела на чертёж. На идеально ровные линии, на бездушные прямоугольники, на сетку колонн. И почувствовала, как что-то внутри сжимается в тугой, горький узел.

Отец учил меня строить с душой. Даже если это просто беседа. Даже если это собачья будка. «Архитектор — это не тот, кто рисует, а тот, кто строит. А строить без души — преступление».

Я не могла сдать это. Не могла.

Рука сама потянулась к мышке. Щёлкнула по файлу. Выделила всё. Delete.

Пустой экран.

Я начала заново. Да, это парковка. Да, подземная. Да, тупиковой проект. Но даже в подземной парковке может быть свет. Могут быть световые колодцы — узкие шахты, прорезающие толщу земли и выводящие дневной свет вниз. Может быть зелень — выющиеся растения по стенам, которым достаточно искусственного освещения. Может быть мозаика на бетонных панелях — неброская, геометричная, в серых и охристых тонах. Даже здесь может быть красота. Даже здесь может быть жизнь.

Я чертила до шести утра. Пальцы летали по клавиатуре. В голове звучали слова Ван дер Меера: «Без самостоятельности, без рюшечек». Но я не могла иначе. Я не умела иначе. Если архитектура — это не про людей, то зачем она вообще?

В шесть утра я допила пятую чашку растворимого кофе из автомата в коридоре. Сохранила файл. Распечатала на плоттере. Свернула в рулон.

В семь тридцать я положила проект на стол Ван дер Меера. Его ещё не было — он приходил ровно в восемь, я уже знала его расписание. Ушла в общий зал. Села за свой стол номер семнадцать и стала ждать.

Сердце колотилось где-то в горле.

POV: Эрик

Она положила проект на стол в семь тридцать. Я пришёл в восемь. Увидел рулон. Развернул.

Первый взгляд — и я понял, что она сделала. Не перечертила. Переделала.

Световые колодцы. Зелень. Мозаика. На подземной парковке.

Я смотрел на чертёж, и что-то внутри меня — что-то, что я считал мёртвым семь лет, — шевельнулось. Это было красиво. Это было непрактично, дорого, не по стандарту — но это было красиво. И живое.

Я вспомнил свои первые проекты. Общежитие в спальном районе, которое я спроектировал на третьем курсе. Внутренний дворик с фонтаном и яблонями. Профессор тогда сказал: «Слишком много эмоций. Архитектура — это расчёт». Я не послушал. И тогда, и потом. До того самого дня, когда эмоции убили людей.

Я вызвал Марка.

— Она переделала проект, — сказал он с порога.

— Я вижу.

— Что будешь делать?

Я молчал. Смотрел на чертёж. Мозаика на бетонных панелях — простой геометрический узор, серый на сером, но в этом было что-то. Что-то, от чего щемило в груди.

— Позови её.

POV: Лина

Он вызвал меня к себе в восемь пятнадцать. Я вошла. Он сидел за столом, перед ним лежал мой рулон. Лицо было каменным. Глаза — серыми, холодными, без единой эмоции.

— Я же сказал: без самостоятельности.

Я смотрела ему прямо в глаза. Страх исчез. Осталась только злость — холодная, сосредоточенная, упрямая.

— Это не самостоятельность. Это архитектура. — Голос звучал ровно, и я сама удивлялась, откуда взялась эта уверенность. — Даже под землёй люди должны видеть свет. Да-

же на парковке у них должно быть чувство, что они в пространстве, созданном для человека. А не в бетонном склепе.

Он молчал. Я чувствовала, как секунды тянутся, набухая тишиной.

— Если вы не видите разницы между стандартом и архитектурой, — сказала я тихо, — мне жаль вас.

Развернулась. Пошла к двери. Спина была прямой, шаг — чеканным, хотя внутри всё дрожало. Я сказала это. Сказала ему в лицо. Он уволит меня. Вышвырнет. Уничтожит. И плевать. Я не могла иначе.

— Стойте.

Я замерла у двери. Оборачиваться не стала.

— Оставьте чертёж. И идите работать.

Я вышла. Дверь из матового стекла закрылась за мной. Прислонилась к стене в коридоре. Перевела дыхание. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в другом конце здания.

Я не знала, что это значит. Он не похвалил меня. Но он

и не уничтожил.

И это уже была победа.

POV: Эрик

Она ушла. Я остался один.

Смотрел на чертёж. Световые колодцы. Зелень. Мозаика. Она сделала это не назло мне. Не чтобы доказать превосходство. Просто потому что не могла иначе. Потому что в каждой её линии был огонь — тот самый, который я когда-то потерял.

Я вызвал Марка.

— Найди её личное дело. Всё. От академической успеваемости до квартплаты за общагу. Кто отец, кто мать, почему выбрала архитектуру.

— Уже, — сказал Марк. — И я тебе скажу: она сирота, отец был строителем, умер пять лет назад. Мать ушла из семьи, когда Лине было семь. Пробивается сама. Стипендия, подработки. Ни связей, ни денег. Только талант и характер.

Я молчал. Смотрел в окно на серое небо.

— Она напоминает тебе кого-то? — спросил Марк тихо.

Я не ответил. Но вечером, уходя домой, взял её чертёж со стола. Свернул. Сунул в портфель.

Зачем — я не знал.

Глава 4. Первая ночь

POV: Лина

Я не пошла домой. Не могла.

После разговора с Ван дер Меером тело ещё звенело от напряжения — так звенит струна, которую дёрнули слишком сильно. Я вернулась за стол номер семнадцать, открыла пустой файл и просто сидела, глядя на белое поле. Пальцы дрожали. В голове крутилась одна и та же фраза: «Оставьте чертёж. И идите работать».

Что это значило? Он не выгнал меня. Не разорвал проект у меня на глазах. Не сказал саркастическое «рюшечки». Он просто сказал оставить чертёж. И идти работать.

Я не понимала этого человека.

В шесть вечера бюро опустело. Сотрудники уходили по одному, стараясь не смотреть в мою сторону. Я была чужой, изгоем, девчонкой, которую взяли непонятно зачем. Никто не хотел ассоциироваться со мной — а вдруг Ван дер Меер увидит? Вдруг отравит своим холодом и того, кто ко мне подойдёт?

Марк задержался дольше всех. Проходя мимо, он бросил на меня странный взгляд — не то сочувственный, не то оценивающий.

— Не засиживайся, — сказал он. — Он не оценит трудо-голизм. Только результат.

— Я знаю.

— И ещё... — Марк замялся. — Он не злой. Просто... сломанный.

Я хотела спросить, что это значит, но он уже ушёл, оставив меня одну в пустом зале.

В общагу ехать не хотелось. Там ждала Вера с её тревожными вопросами, там были тонкие стены и соседи, вечно слушающие шансон, там не было места, чтобы подумать. Но и здесь оставаться было нельзя.

Я собралась, натянула плащ, вышла на Большую Морскую. Дождь кончился, но воздух оставался сырым и промозглым. Ноги сами понесли меня не к метро, а в другую сторону — вниз, к Неве. Я шла по набережной, смотрела на чёрную воду, на огни Васильевского острова вдалеке. Питер

был красивым и чужим. Третья осень здесь — а я всё ещё чувствовала себя гостьей. Незваной. Ненужной.

Я думала об отце. О том, как он радовался, когда я поступила в Академию Архитектуры. Он лежал в больнице, уже совсем слабый, и не мог говорить — только сжал мою руку и улыбнулся. В тот момент я поклялась себе: я стану лучшей. Я докажу, что дочь простого строителя из Ягодного может стоять в одном ряду с наследниками архитектурных династий.

И вот я здесь. В команде самого Ван дер Меера. Но почему это совсем не похоже на победу?

В общагу я вернулась в одиннадцать. Вера не спала — сидела за столом, обложившись учебниками, но было видно, что она не учится, а ждёт меня.

— Ну?

— Нормально, — сказала я.

— Что он сделал? Кричал? Унижал?

— Хуже. Он просто дал мне перечертить типовую парковку. Как первокурснице.

Вера нахмурилась:

— Это же оскорбление.

— Да. Но я переделала её. По-своему.

— Лиана! Ты с ума сошла?! Он же сказал без самостоятельности!

— Сказал. А я не послушалась.

Вера смотрела на меня с таким выражением, будто я только что подписала себе смертный приговор. Может, так и было.

— И что он?

— Сказал оставить чертёж.

— И всё?

— И всё.

Я села на кровать, стянула ботинки, забралась под одеяло. Тело гудело от усталости, но спать не хотелось. В голове крутился его голос: «Оставьте чертёж». И его глаза — серые,

холодные, но в самой глубине... Я видела там что-то. Что-то, что он прячет даже от себя.

Я заснула в третьем часу. И мне приснился отец.

Он был молодым — таким, каким я запомнила его в детстве, до болезни. Высокий, широкоплечий, с вечно цементной пылью в волосах и добрыми глазами. Мы строили беседку в нашем дворе — маленькую, деревянную, с резными столбиками. Он давал мне молоток и учил забивать гвозди: «Не бей сильно, Лина. Бей точно. Сила без точности — это разрушение. А точность без силы — пустота».

Я забивала гвозди. Молоток был тяжёлым, рука срывалась, гвозди гнулись. Но отец не сердился. Он просто брал мою руку в свою и направлял удар.

«Строй с душой, дочка. Иначе твои дома будут пустыми».

Я проснулась в пять утра. За окном было ещё темно. Вера спала, тихо посапывая. Я села на кровати, обхватила колени руками.

Типовая парковка. Я переделала её по-своему, но это было только начало. Если я хочу доказать ему — и себе — что я чего-то стою, я должна работать. Должна учиться. Должна

выжить в этом холоде, даже если он пронизывает до костей.

Я встала, умылась ледяной водой, заварила дешёвый чай в пакетике. Открыла ноутбук. Нашла в интернете старые проекты Ван дер Меера — те, что были до «Кристалла». До катастрофы.

Маленький выставочный павильон в Петергофе. Деревянный, лёгкий, с огромными окнами и зелёной кровлей, которая сливалась с ландшафтом. Детский сад в Приморском районе — с внутренним двориком, где росли настоящие деревья и тек ручей. Жилой дом на Васильевском — с террасами на каждом этаже, с керамической мозаикой на фасаде, с окнами разной высоты, чтобы каждая квартира была уникальной.

Это были живые проекты. Тёплые. Человечные.

Куда исчез тот архитектор? Что с ним случилось?

Я читала про обрушение. Семь лет назад. Жилой комплекс «Горизонт» — один из первых крупных заказов Ван дер Меера. Обрушилась секция на стадии строительства. Четверо погибших. Расследование, закрытые слушания. Виновных не нашли, но подрядчик сел на восемь лет. А Ван дер Меер исчез из публичного поля на год. Когда вернулся —

он был уже другим. Никаких «рюшечек». Никакой зелени. Никакой мозаики. Только стекло, бетон и сталь.

Я закрыла ноутбук. Посмотрела в окно на серое утро. На душе было странно — будто я коснулась чего-то, к чему нельзя прикасаться.

Он не просто холодный. Он раненый. Он построил вокруг себя стены изо льда, потому что боится, что внутри — всё ещё больно.

Я не знала, что с этим делать. Но я знала одно: я не сломаюсь. Я буду работать. Буду учиться. Буду стучать в эту ледяную дверь, пока он не откроет.

Или пока сама не стану льдом.

Глава 5. Трещина

POV: Эрик

Чертёж лежал на столе в моём кабинете. Я не убрал его в архив. Не отправил в переработку. Он лежал здесь уже третий день — я знал, что Марк замечает, но молчит.

Световые колодцы, зелень, мозаика. На подземной парковке. Девчонка не просто перечертила типовой проект — она переосмыслила его. Она увидела пространство, которого я не видел. Она вдохнула жизнь в бетонный склеп.

И я ненавидел её за это.

Ненавидел, потому что когда-то сам был таким. Потому что десять лет назад я тоже верил, что архитектура может менять людей. Что красивый дом делает жизнь красивее. Что пространство, наполненное светом и теплом, — это не просто стены, а среда, в которой человек расцветает.

А потом рухнул «Горизонт». И четверо остались под завалами.

Я сидел за столом, смотрел на её чертёж и чувствовал, как

внутри что-то трещит. Как лёд, который я выстраивал семь лет, покрывается тонкой паутиной трещин. Одна неверная нота — и всё рассыплется.

— Ты опять на него смотришь, — сказал Марк, появляясь в дверях.

— Не твоё дело.

— Моё. Я твой ассистент, помнишь? Моя работа — следить, чтобы ты не наделал глупостей. — Он прошёл к столу, взял чертёж, рассмотрел. — А она талантливая, эта рыжая. На первом курсе Академии я такого не умел.

— Она не на первом курсе. Она на четвёртом.

— Тем более. Ты читал её досье?

Я читал. Дважды. Лина Морозова, двадцать один год, уроженка города Ягодное. Отец — строитель, мать — домохозяйка, ушла из семьи, когда дочери было семь. Отец растил её один. Умер пять лет назад от рака лёгких. В Академию поступила сама, без связей, без денег, на бюджет. Учится неровно: академические предметы — средний балл, но проектные работы — лучшие на курсе. Жанна Белова, главная соперница, регулярно жалуется на неё в деканат — мол, ди-

зайн «агрессивный и не соответствует стандартам».

Живёт в общежитии. Стипендия — минимальная. Подрабатывает репетитором по черчению для абитуриентов. Ни одной несданной сессии, ни одного взыскания. И при этом — такая дерзость, что назвала мой главный проект мертвецом на открытой защите.

Кто ты, Лина Морозова? Почему ты не боишься?

— Я хочу проверить её в реальном проекте, — сказал я.
— Не в учебном. Дай ей часть «Собора». Что-то простое, но настоящее. Подземный переход от основного корпуса к павильону.

— Ты уверен?

— Да.

Марк кивнул и вышел. Я остался один.

За окном шёл дождь. Ноябрь в Петербурге — время, когда город кажется бесконечным лабиринтом из серого гранита и мокрого асфальта. Я смотрел на капли, стекающие по стеклу, и думал о том, что сказала эта девчонка: «Если вы не видите разницы между стандартом и архитектурой, мне жаль вас».

Мне тоже жаль меня. Я не видел разницы уже семь лет.

Я встал, подошёл к окну. В стекле отражалось моё лицо — бесстрастная маска, которую я носил, не снимая. Когда-то я был другим. Когда-то я тоже умел мечтать. Строить с душой, как говорил её отец.

Теперь я строил с расчётом. Только с расчётом. Потому что расчёт не предаёт. Расчёт не ошибается. Расчёт не убивает людей.

Рука сама потянулась к перчатке. Я стянул лайку. Шрамы, бугристые, стянутые, уродливые. Я смотрел на них и вспоминал тот день. Крики, пыль, вкус крови во рту. Балка, которая рухнула в метре от меня и похоронила под собой прораба. Его звали Виктор. У него была дочь того же возраста, что и Лина сейчас. Он показывал мне её фото за неделю до обрушения.

Я не проектировал эту балку с ошибкой. Но кто-то — да. Кто-то из моей команды. А отвечал за всё я.

Я натянул перчатку обратно. Хватит. Воспоминания не воскрешают мёртвых.

Вечером я уходил из бюро позже всех. На столе номер семнадцать лежал новый рулон — Лина оставила его перед уходом. Я развернул. Варианты световых колодцев для подземной парковки. Десять вариантов. Десять разных решений одной задачи.

Упрямая. Талантливая. Не сдаётся.

Я свернул рулон, положил обратно. И поймал себя на том, что мои губы дёрнулись в странном, давно забытом движении. Что-то похожее на улыбку. Горькую, кривую, почти незаметную.

Что ты делаешь со мной, Лина Морозова?

Глава 6. Слухи

POV: Лина

Академия встретила меня волной шёпота.

Я вернулась туда во вторник — нужно было сдать хвосты по истории архитектуры и забрать допуск к зимней сессии. Как только я переступила порог главного корпуса, я почувствовала перемену. На меня смотрели. Все. Студенты в коридоре, преподаватели за стёклами кафедр, даже вахтёрша тётя Зина — и та поджала губы, когда я проходила мимо.

Шёпот полз за мной по пятам, как запах гари. «Ван дер Меер...», «...спит с ним...», «...нищевродка из Ягодного...», «...позор Академии...». Я не оборачивалась. Шла прямо, глядя перед собой, сжимая лямку рюкзака так, что побелели костяшки.

В столовой меня настигла Жанна.

Она сидела за центральным столом в окружении своей свиты — три девицы с идеальными укладками и одинаковыми безгловыми выражениями на лицах. Жанна была красива той холодной, выверенной красотой, которая требует де-

нег и времени. Светлые волосы уложены волосок к волоску, лицо тронута ровным загаром в ноябре, на запястье — браслет, который стоил больше, чем моя годовая стипендия.

— О, смотрите, кто пришёл, — сказала она громко, чтобы слышала вся столовая. — Архитектурная проститутка. Уже взяла своё место под Ван дер Меером или ещё только разогреваешь?

В столовой повисла тишина. Даже повариха за раздачей перестала греметь половником.

Я остановилась. Посмотрела на Жанну. Внутри всё кипело — обида, злость, унижение. Но я не доставлю ей удовольствия. Не заплачу. Не закричу.

— Твои шутки такие же оригинальные, как твои курсовые, Жанна, — сказала я ровным голосом. — Может, тебе самой попробовать поработать? А не полагаться на папины связи?

Кто-то в столовой прыснул. Жанна побледнела — сквозь загар это было заметно. Её пальцы, сжимавшие вилку, побелели.

— Ты никто, Морозова. Ты грязь из провинции. И твоё

место — на панели, а не в бюро «Vandermeer». Он наиграется с тобой и выбросит, как выбросил всех остальных. Ты знаешь, сколько таких, как ты, прошло через его постель?

Я ничего не ответила. Взяла поднос, поставила на ленту, пошла к выходу. Каждый шаг давался с трудом — ноги были ватными, сердце колотилось где-то в горле. Но спину я держала прямо.

В коридоре меня догнала Вера.

— Лина... — она схватила меня за локоть. — Не слушай её. Она завидует. Ты же знаешь, что она завидует.

— Я знаю.

— Тогда почему ты дрожишь?

Я посмотрела на свои руки. Они действительно дрожали. Мелко, противно.

— Потому что она права, Вер. Я — никто. У меня нет имени, нет денег, нет связей. Только этот молоток, — я сжала талисман в кармане, — и упрямство. Но иногда мне кажется, что этого недостаточно.

Вечером я сидела в общежитии, обняв колени. Вера пыталась отвлечь меня — предлагала чай, шоколадку, совместный просмотр сериала. Я отказывалась. Не хотелось ни чая, ни сериалов. Хотелось свернуться в клубок и исчезнуть.

Но я не могла исчезнуть. Завтра утром я снова должна была идти в бюро. Снова сидеть за столом номер семнадцать. Снова ловить на себе холодный взгляд Эрика Ван дер Меера и гадать: что он обо мне думает? Видит ли он во мне хотя бы проблеск таланта? Или я для него просто забавный эксперимент — провинциалка, которую можно сломать о колено?

В десять вечера на ноутбук пришло уведомление. Новое письмо от бюро «Vandermeer».

Я открыла. Пробежала глазами. И замерла.

Эрик Ван дер Меер оплатил моё проживание в гостевом крыле своего особняка на Каменноостровском.

«Для эффективной работы», — гласила сухая строка в конце письма. Без объяснений. Без эмоций. Просто факт.

— Что? — Вера заглянула в экран. — Он что, перевозит тебя к себе?!

— Похоже на то.

— Это же... это же ловушка! Лина, он хочет запереть тебя в своём доме! Это не работа, это...

— Что?

— Я не знаю! — Вера вскочила с кровати и заходила по комнате. — Это странно. Это пугающе. Кто селит студентку у себя в доме?

— Тот, кто хочет контролировать каждый её шаг, — сказала я тихо.

Я закрыла ноутбук. Посмотрела в окно. Дождь барабанил по жестяному отливу — монотонно, безнадёжно.

Он не просто взял меня в команду. Он хочет держать меня рядом. Хочет видеть каждый день, каждый час. Хочет понять, что я такое — бабочка, которая сгорит в его пламени, или что-то другое.

Я не знала ответа. Но я знала одно: я соглашусь. Потому что это шаг вперёд. Потому что из гостевого крыла его дома ближе к его тайнам, чем из общаги. Потому что я хочу увидеть его без маски. Хочу понять, зачем он носит перчатки.

Хочу узнать, что сломалось в нём семь лет назад.

И ещё я знала другое: мне страшно. Дико, до дрожи страшно. Но страх — это тоже топливо. Так он сказал?

Ну что ж. Посмотрим, кто кого.

Глава 7. Золотая клетка

POV: Лина

Я переехала в субботу утром.

Марк встретил меня у входа в особняк на Каменноостровском — подтянутый, с кружкой растворимого кофе и неизменным сочувственным выражением лица. Он помог донести вещи: чемодан, рюкзак и сумку с книгами. Больше у меня ничего не было.

— Гостевое крыло — это отдельный вход с улицы, — объяснял он, пока мы шли по вымощенной серым камнем дорожке. — Ты не пересекаешься с Эриком, если он сам того не захочет. Ванная, кухня, спальня — всё компактное, но функциональное. Он сам проектировал.

— Он всё проектирует сам?

— Всё. Даже мебель в твоей комнате. Даже дверные ручки.

Я промолчала. Эрик Ван дер Меер — человек, который не доверяет миру ни одной детали. Контроль до последнего

шурупа.

Гостевое крыло оказалось изолированным блоком с отдельным входом, как и обещал Марк. Я открыла дверь своим ключом — электронный замок, никаких скважин — и замерла на пороге.

Комната была стерильной. Серый микроцемент на полу, белые стены без единого пятнышка, встроенные светильники, дающие ровный холодный свет. Окно во всю стену выходило во внутренний двор — маленький садик с голыми деревьями и замшелым фонтаном. Мебель: кровать с жёстким матрасом, письменный стол из чёрного дерева, стул, шкаф-купе. Ванная — белый кафель, стеклянная душевая кабина, никаких полочек, никаких крючков.

Ничего лишнего. Как в отеле, из которого нельзя уйти. Как в золотой клетке, где прутья спрятаны под лаком минимализма.

— Уютненько, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Он не признаёт декор, — развёл руками Марк. — Говорит, что пространство должно быть нейтральным, чтобы не влиять на мысли архитектора. Никаких визуальных шумов.

— А готовить где?

— Кухня за перегородкой. Холодильник пустой — можешь заполнить чем хочешь. Продукты заказываются через общий сервис бюро, доставка раз в два дня. Счета на него.

— На него?

— Таковы условия. Ты в его доме, ты работаешь на него, он обеспечивает быт.

Я кивнула. Поставила чемодан. Прошлась по комнате, касаясь пальцами стен — они были холодными и гладкими, как кожа рептилии. Остановилась у окна. Садик за стеклом тонул в ноябрьских сумерках. Голые ветки яблони царапали серое небо, как трещины на старом бетоне.

— Ты в порядке? — спросил Марк.

— В полном.

— Если что, мой номер у тебя есть. Звони в любое время. И... — он замялся, будто хотел сказать что-то важное, но передумал. — Будь осторожна. Он не такой, каким кажется.

— А какой он?

— Сломанный, — сказал Марк тихо. — Очень сломанный. И очень одинокий.

Он ушёл. Я осталась одна.

Следующие несколько часов я распаковывала вещи. Развешивала одежду в шкафу — мои скромные платья и свитера смотрелись в нём чуждо, как полевые цветы в бетонной вазе. Достала книги, разложила на столе. На подоконник поставила деревянный молоток — единственное украшение, которое я могла себе позволить.

Потом села на кровать и прислушалась.

Дом дышал. Где-то в стенах гудели коммуникации. Где-то наверху работала система климат-контроля — тихое шипение, как дыхание огромного зверя. Я знала, что Эрик где-то здесь, за стенами. Знала, что наша встреча — только вопрос времени.

Как ни странно, это не пугало. Это будоражило.

Первая ночь прошла спокойно. Я легла в десять, долго ворочалась на жёстком матрасе, думала об Академии, о Жан-

не, об отце. Заснула в первом часу.

Проснулась в три ночи от звука.

Пианино.

Кто-то играл за стеной. Звук был тонким, щемящим, почти призрачным — он проникал сквозь бетон, как вода сквозь трещины в камне. Шопен. Ноктюрн ми-бемоль мажор. Мелодия, которую я помнила с детства — отец иногда ставил пластинку на старом проигрывателе.

Я села на кровати. Сердце забилося быстрее.

Эрик играл не как профессионал. Он играл как человек, который не хочет, чтобы его услышали, но не может молчать. В его игре была боль — глухая, старая, запрятанная далеко внутрь. Ноты срывались, пальцы ошибались, но это не имело значения. Имела значение только музыка — и то, что за ней стояло.

Я встала. Накинула свитер — в доме было прохладно, подогрев полов не работал. Вышла в коридор.

Звук доносился из-за двери в конце крыла. Той самой, которую Марк показал мне мельком: «Здесь жилая часть Эри-

ка. Сюда тебе нельзя». Дверь была приоткрыта. Буквально на пару сантиметров — но этого хватило.

Я подошла ближе. Заглянула в щель.

Комната — кабинет, судя по книжным шкафам и роялю у окна. Сам рояль — чёрный, матовый, без блеска. За ним сидел Эрик.

Он был без пиджака. Водолазка обтягивала плечи. Но не это заставило меня затаить дыхание.

Перчатки лежали на крышке рояля.

Я видела его руки впервые. Длинные пальцы, широкие костяшки — и шрамы. Уродливые, бугристые рубцы, стягивающие кожу от запястий и выше. Следы ожогов? Разрезом? Я не знала. Но вид этих рук — живых, искалеченных, настоящих — ударил меня сильнее, чем любые слова.

Он играл и не прятался. Его лицо не было холодным. Оно было живым, страдающим, прекрасным — лицо человека, который наконец позволил себе чувствовать. Глаза были закрыты. Губы чуть приоткрыты. Лоб расчерчен морщинами, которых я не замечала раньше.

Я смотрела и не могла оторваться. Это был не тот Ван дер Меер, которого я встретила в актовом зале. Не тот, кто холодно цедил: «Вы подписали себе приговор». Это был кто-то другой. Кто-то, кого он прячет семь лет.

Внезапно музыка оборвалась.

Эрик открыл глаза. Повернул голову к двери.

— Входите.

Его голос прозвучал негромко, но в тишине ночного дома он ударил меня, как пощёчина. Я замерла. Сердце рухнуло вниз.

— Я знаю, что вы здесь, Лина. Входите.

Я толкнула дверь. Она открылась беззвучно — петли были смазаны, как и всё в этом доме. Вошла. Остановилась в трёх шагах от него.

Он не надел перчатки. Его руки лежали на коленях — шрамы на виду, беззащитные, как содранная кожа.

— Вы всегда подслушиваете по ночам? — спросил он.

Голос был тем же, что и в бюро, — низкий, холодный, без интонаций. Но теперь я знала, что это маска. Я видела её изнанку минуту назад.

— Вы играли так, будто вам больно, — сказала я тихо.

Он смотрел на меня. Серые глаза сузились. В них была не злость — что-то другое, что-то, чего я не могла прочесть.

— Боль не тема для обсуждения с моими студентами.

— Я не просто студентка, — сказала я. Слова вылетали сами, без фильтра, без страха. — Я архитектор. И я вижу то, что другие не видят.

— И что же вы видите?

Он смотрел на меня с вызовом, и я приняла вызов. Подошла ближе. Остановилась в метре от него.

— Я вижу человека, который построил вокруг себя стены из льда. Который запрещает себе чувствовать, потому что когда-то чувства его сломали. Но внутри, — я посмотрела на его руки, потом на лицо, — внутри вы всё ещё тот, кто написал эту музыку. И тот, кто построил те дома. С зелёной кровлей и мозаикой.

Мне показалось, или его лицо дрогнуло?

— Вы опасны, Лина, — сказал он медленно. — Очень опасны.

— Почему?

— Потому что вы задаёте вопросы, на которые я не хочу отвечать.

Он встал. Оказался ближе, чем я ожидала, — высокий, широкоплечий, заслоняющий свет. Его рука поднялась — рука без перчатки, со шрамами, — и почти коснулась моего подбородка. Я замерла. Дыхание перехватило.

Но он не коснулся. Остановил пальцы в миллиметре от моей кожи. Я чувствовала тепло, исходящее от его руки, — горячее, почти обжигающее. Так близко. Так страшно. Так невозможно.

— Я мог бы сломать вас, — сказал он тихо. — Одним пальцем. Но я не хочу.

— Тогда чего вы хотите?

Он молчал. Его серые глаза были совсем близко — не холодные, а штормовые, полные боли и растерянности мужчины, который разучился отвечать на вопросы о своих желаниях.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — И это пугает меня больше, чем хотелось бы признавать.

Он убрал руку. Взял перчатки с рояля. Натянул их — быстро, почти грубо.

— Идите спать, Лина. Завтра утром вы получите задание по «Собору». Настоящее задание, не учебное.

Я развернулась и пошла к двери. У порога обернулась.

— Спокойной ночи, господин Ван дер Меер.

Он стоял у рояля, в чёрной водолазке, снова в перчатках, снова — каменное лицо. Но я уже знала. Под камнем была трещина. И я её видела.

— Спокойной ночи, Лина, — ответил он. И добавил едва слышно: — И спасибо.

Я закрыла дверь. Вернулась в свою стерильную комнату.

Села на кровать, обхватила колени руками.

Сердце колотилось. В голове звучала музыка Шопена. Перед глазами стояли его руки — шрамы, рубцы, обожжённая кожа.

Что с ним случилось?

И почему мне так отчаянно хочется узнать?

Глава 8. Ночной разговор

POV: Лина

Я не спала.

Лежала на жёстком матрасе, смотрела в белый потолок, слушала тишину дома. После того, что случилось в кабинете, сон ушёл — испарился, как влага с горячего асфальта. Мысли крутились по кругу.

Его руки. Его шрамы. Его голос: «Я мог бы сломать вас. Но я не хочу».

Откуда эти шрамы? Марк говорил про обрушение. Четыре погибших. Ван дер Меер выбрался из-под завалов. Его руки... бетон? Арматура? Что именно превратило кожу в эти уродливые рубцы?

И почему он носит перчатки? Даже дома. Даже ночью, когда никто не видит. Кроме меня — случайно, через щель в двери.

Я села на кровати. В три часа ночи дом спал, но я чувствовала: он тоже не спит. Он там, в своём кабинете. Может быть,

снова играет Шопена. Может быть, просто сидит в темноте и смотрит на свои руки.

Я встала. Натянула джинсы и свитер. Вышла в коридор.

Дверь в его крыло всё ещё была приоткрыта.

Я толкнула её. Вошла.

POV: Эрик

Когда я поднял голову и увидел её на пороге, что-то внутри меня оборвалось — как струна, которую перетянули. Девочка в мятом свитере, с растрёпанными рыжими волосами и глазами, которые всё ещё не умеют бояться.

— Я же сказал: идите спать, — произнёс я. Голос звучал устало. Маска сползла, и я не стал её поправлять.

— Я не могу спать, — сказала она. — Можно мне... посидеть здесь? Немного?

Я должен был прогнать её. Должен был сказать: «Это неуместно». Или просто промолчать — молчание я умел лучше всего. Вместо этого я указал на кресло у рояля.

— Садитесь.

Она села. Поджала ноги, обхватила колени руками. Посмотрела на меня — не с вызовом, не с любопытством. С сочувствием. С тем самым сочувствием, которое я ненавидел, потому что оно делало меня слабым.

— Почему вы играете по ночам? — спросила она.

— Потому что ночью никто не слышит.

— Я услышала.

— Это случайность. Я забыл закрыть дверь.

Она покачала головой:

— Нет. Вы хотели, чтобы кто-то услышал.

Я молчал. Она была права. И от этого становилось не по себе.

— Что с вашими руками? — спросила она тихо. — Если это не тайна.

— Это тайна.

— Тогда не отвечайте.

Я усмехнулся — горько, криво:

— Обрушение. Семь лет назад. Я был на площадке, когда рухнула секция. Меня завалило обломками. Руки... попали под бетонную плиту. Десять операций. Говорили, что не смогу шевелить пальцами. Врачи ошиблись.

Она смотрела на мои руки — сейчас снова в перчатках, спрятанные. И молчала. Обычно люди в таких ситуациях начинают лепетать: «Мне так жаль», «Это ужасно». Она не сказала ничего. Просто ждала.

— Четыре человека погибли, — продолжил я. Сам не знал, зачем говорю. Слова выходили сами, как гной из старой раны. — Один из них — Виктор, прораб. Он показывал мне фото дочери за неделю до обрушения. Её звали... кажется, Аня. Или Таня. Я не помню. Я должен помнить. Но не помню.

— Это не ваша вина, — сказала она тихо.

— Это моя ответственность. Я был главным архитектором. Я утверждал каждый узел.

— Но ошибку допустили не вы.

— Ошибку допустил мой подрядчик. Но я выбрал этого подрядчика.

Она помолчала. Потом встала с кресла. Подошла ближе — так близко, что я почувствовал запах её волос. Что-то травяное, простое, чистое.

— Вы носите перчатки, потому что стыдитесь шрамов? — спросила она.

— Я ношу перчатки, потому что не хочу, чтобы кто-то видел мою слабость.

— Шрамы — это не слабость. Это доказательство того, что вы выжили.

Я поднял голову. Её лицо было в полуметре. Зелёные глаза смотрели прямо — без страха, без притворства. Так на меня не смотрел никто уже много лет.

— Вы странная, Лина Морозова, — сказал я.

— Я знаю.

— Вы должны бояться меня.

— Я не умею бояться того, что понимаю.

— А вы меня понимаете?

— Пытаюсь.

Она протянула руку. Медленно, осторожно. Коснулась моей левой ладони — той, что лежала на крышке рояля. Той, на которой бугрились самые старые шрамы.

Я замер. Её пальцы были тёплыми, живыми, настоящими. Она не отводила взгляда.

— Можно? — спросила она.

Я должен был отдёргнуть руку. Должен был встать и уйти. Вместо этого я кивнул. Одно короткое, сухое движение.

Она стянула перчатку. Медленно, почти благоговейно. Шрамы обнажились. Её пальцы скользнули по рубцам — легко, едва касаясь, как крылья бабочки. Я стиснул зубы. Никто не трогал мои шрамы, кроме врачей и физиотерапевтов, — грубо, по делу, без нежности. А эта девчонка трогала их

так, будто они были не уродством, а чем-то ценным. Чем-то, что заслуживает бережности.

— Не больно? — спросила она, проведя пальцем по самому длинному рубцу — от запястья до сгиба локтя.

— Давно нет.

— А тогда?

— Тогда было адски.

Она кивнула, не прекращая водить пальцами по моей коже. Эти прикосновения были лёгкими, почти невесомыми, но каждое взрывалось во мне фейерверком ощущений, от которых я отвык. От которых я запретил себе.

— Почему вы меня выбрали? — спросила она.

— Я уже ответил.

— Нет. Не тот ответ. Вы сказали — «потому что вы умеете ненавидеть». Но это неправда. Скажите настоящую причину.

Я молчал. Она продолжала водить пальцами по моей руке. И я сломался.

— Потому что вы напомнили мне меня. Того, прежнего. Который верил, что архитектура может менять людей. Что красивое пространство = счастливая жизнь. Я потерял эту веру семь лет назад. А вы её сохранили.

Она подняла глаза.

— Значит, вы взяли меня не чтобы сломать?

— Не знаю, — честно ответил я. — Возможно, чтобы сломать. Возможно, чтобы спасти себя. Я ещё не решил.

Она улыбнулась — впервые за всё время, что я её знал. Не дерзко, не вызывающе. Мягко. Тепло.

— Тогда я помогу вам решить, — сказала она. — Я не сломаюсь.

Я смотрел на неё, на её пальцы на моих шрамах, на её улыбку — и чувствовал, как трещина внутри становится шире. Лёд таял. Я не знал, готов ли к этому. Не знал, чем это кончится. Но впервые за семь лет мне было не всё равно.

— Вы опасны, Лина Морозова, — повторил я шёпотом.

— Вы уже говорили.

— Повторю ещё не раз.

Она убрала руку. Я натянул перчатку обратно. Но что-то изменилось. Что-то неуловимое, как воздух после грозы.

— Завтра вы получите настоящее задание, — сказал я. — Подземный переход для «Собора». Это сложный узел, двойное назначение: пешеходное и техническое. Будете работать под моим контролем.

— Я справлюсь.

— Я знаю. Именно поэтому и даю.

Она встала. Остановилась у двери, обернулась.

— Эрик.

Имя прозвучало из её уст впервые — просто, без «господин», без «Ван дер Меер». И от этого по спине пробежал холодок.

— Да?

— Вы не одиноки. Просто вы забыли, как это — быть с кем-то.

Она ушла. Я остался один.

Смотрел на закрытую дверь. На перчатки. На рояль, с которого она только что стёрла пыль своим прикосновением.

Чёрт возьми, что ты делаешь со мной, Лина Морозова?

Глава 9. Проект

POV: Лина

Задание по «Собору» он дал ровно в шесть утра.

Я вошла в кабинет, ещё не до конца проснувшись, с кружкой кофе в руке — он снова сварил его сам, хотя я сто раз говорила, что могу обойтись растворимым. На столе уже лежала папка с грифом «Vandermeer» и грифом секретности: красная полоса по диагонали.

— Подземный переход, — сказал Эрик, не тратя время на приветствия. — Соединяет основной корпус «Собора» с выставочным павильоном. Двойное назначение: пешеходное и техническое. Коммуникации, вентиляция, пожарная безопасность. Длина — сто сорок метров, глубина заложения — шесть. Грунтовые воды близко, потребуется гидроизоляция высокого давления. Справишься?

Я смотрела на папку. Сто сорок метров под землёй. Технический узел, от которого зависит весь проект. Не парковка. Не учебный эскиз.

— Справлюсь, — сказала я.

— У тебя две недели.

Две недели я жила этим переходом.

Это было сложнее всего, что я делала раньше. Гидрогеология, нагрузки, расчёт осадки фундамента — вещи, которые в Академии казались скучной теорией, здесь стали вопросом жизни и смерти в буквальном смысле. Одна ошибка — и грунтовые воды затопят подземный уровень. Одна неточность в расчётах — и перекрытия треснут.

Эрик проверял каждый узел. Я приносила ему расчёты, он садился рядом, брал карандаш и объяснял. Не унижая. Не высмеивая. Спокойно, точно, с той холодной гениальностью, которая когда-то сделала его легендой. Он показывал мне ошибки — и объяснял, как их исправить. Он учил меня думать на три шага вперёд, видеть не только архитектуру, но и инженерию, геологию, экономику.

— Ты мыслишь как художник, — сказал он однажды, разбирая мой расчёт вентиляции. — Это хорошо. Но художник без инженера — фантазёр. Инженер без художника — ремесленник. Будь обоими.

Я старалась. И через две недели положила ему на стол го-

товый проект.

Он изучал его сорок минут. Я сидела напротив, сцепив пальцы, и считала секунды. В кабинете было тихо, только дождь барабанил по стеклу.

Наконец он поднял голову.

— Ошибок нет.

Я выдохнула.

— Но ты знаешь, что это не всё?

— Знаю. Это только переход. Я хочу больше.

Он чуть усмехнулся — одними уголками губ, почти незаметно, но я уже научилась читать его мимику.

— Тогда слушай.

Он бросил на стол ещё одну папку. Картонную, старую, с выцветшей надписью «Луч».

— Что это?

— Кинотеатр на окраине. Заброшен шесть лет. Районная администрация ищет арендатора под реконструкцию в культурный центр. Бюджет скромный, но я беру его на себя. — Он помолчал. — Это будет твой проект. Полностью. От концепции до защиты перед комиссией.

Я смотрела на папку и не могла поверить.

— Мой?

— Твой. Я буду консультировать. Но решения принимаешь ты. Справилась с переходом — справишься и с этим.

Я схватила папку, прижала к груди. Наверное, я выглядела как ребёнок, которому подарили велосипед. Но мне было всё равно.

— Я не подведу.

— Я знаю. — Он встал. — Лина. Начинаем завтра в шесть.

Впервые — просто «Лина». Без «вы», без сарказма. Только имя, как пароль, как ключ, как приглашение в его мир.

Три недели. Три недели я жила и дышала «Лучом».

Заброшенный кинотеатр стоял на окраине спального района — массивное здание с колоннами и облупившейся лепниной, заросшее кустами сирени и забытое городом. Я ходила туда пешком от метро, с блокнотом и фотоаппаратом. Изучала фасад, трогала мокрый кирпич, заглядывала в выбитые окна. Внутри пахло плесенью и старым деревом. Потолок в фойе просел, но колонны стояли — мощные, надёжные, ждущие.

Я опрашивала жителей. Старушки у подъездов вспоминали, как ходили сюда в шестидесятых. Молодые мамы жаловались, что детям негде играть. Подростки сбивались в стайки у ларьков и говорили, что им нужно «хоть какое-то место, где можно тусить, а не по подвалам». Я записывала всё.

Дома, в гостевом крыле, я работала до трёх ночи. Чертила, стирала, снова чертила. Заказала в библиотеке подшивки старых архитектурных журналов, нашла оригинальные чертежи «Луча» 1953 года. Здание проектировали с душой — с просторным фойе, с мозаичным панно на фронтоне, с хрустальными люстрами, которые давно растащили мародёры.

Моя концепция родилась не сразу. Я хотела не просто отремонтировать стены — я хотела вернуть зданию душу. От-

крытый внутренний двор — перекрыть стеклянной кровлей и сделать атриум. Библиотека с коворкингом на втором этаже. Детская студия с панорамными окнами. Зимний сад в бывшем буфете. И главное — кинозал, но не коммерческий, а клубный: с показом старого кино, с лекциями, с фестивалями.

Я защищала концепцию перед Эриком в понедельник утром. В том же актовом зале бюро, где неделю назад он разнёс меня за парковку. Только теперь в зале были его ведущие архитекторы — пятеро мужчин и женщин с каменными лицами.

У меня дрожали колени. Но я встала к проектору и заговорила.

Час пролетел как минута. Я показывала планы, разрезы, визуализации. Говорила о жителях, о районе, о том, что культура — это не музейная пыль, а живое пространство для людей. Говорила об отце — как он строил беседки, не имея чертежей, потому что чувствовал дерево.

Когда я закончила, в зале было тихо. Архитекторы переглядывались.

Эрик молчал. Смотрел на последний слайд — визуали-

зацию атриума с зимним садом. Пауза длилась вечность. Я уже приготовилась к тому, что он скажет: «Это сентиментально, нерентабельно, не вписывается в бюджет». Или просто — «нет».

Наконец он заговорил.

— Это сентиментально. Нерентабельно. Не вписывается в бюджет.

Я стиснула зубы.

— Но, — продолжил он, — это лучшее, что я видел за последние пять лет.

Я перестала дышать.

— Вы серьезно?

— Я никогда не шучу о работе. — Он поднялся. — Мы доработаем вместе. Бюджет я беру на себя.

Архитекторы зашептались. Кто-то качал головой — неслышанно, Ван дер Меер никогда не брал на себя бюджет чужих проектов.

Вечером я вернулась в гостевое крыло и первым делом позвонила Вере.

— Ты не поверишь! Он сказал — «лучшее за пять лет»! Он назвал меня по имени!

— Лина, — Верин голос дрогнул. — Ты понимаешь, что это значит? Он тебя признал. По-настоящему.

— Понимаю, — прошептала я. — И мне страшно.

— Почему?

— Потому что теперь я не могу его подвести.

Ночью я не спала — но не от тревоги, а от предвкушения. Завтра в шесть. Совместная работа. Его голос, его глаза, его редкие, скупые похвалы. Я ждала этого так, как не ждала ничего в жизни.

Глава 10. Рассветы

POV: Лина

Три недели совместной работы — и я перестала бояться Эрика Ван дер Меера. Почти.

Он по-прежнему был требователен до безжалостности. Каждый мой чертёж возвращался с правками — иногда мелкими, иногда такими, что приходилось переделывать всё с нуля. «Здесь балка не выдержит нагрузку». «Пролёт слишком широкий, нужна дополнительная опора». «Ты забыла про пожарные выходы, Лина. Всегда думай о безопасности». Он не хвалил. Не жалел. Но и не унижал. Каждое замечание было по делу — точное, как скальпель хирурга. И я училась. Впитывала его знания как губка. За три недели я узнала о конструкциях больше, чем за три года в Академии.

Но было кое-что ещё.

Ранние подъёмы. Он будил меня в пять утра — стуком в стену, коротким, два удара. Я выползала на кухню, где он уже варил кофе в своём хемексе. Чёрный, без сахара, ровно шестьдесят пять градусов. Мне он тоже наливал — и молча придвигал кружку. Мы пили кофе стоя, глядя в окно на се-

рый питерский рассвет.

Иногда он звал меня на крышу.

Крыша особняка была плоской, с деревянным настилом и низким парапетом. Он выходил туда смотреть на город — один, всегда один. Но теперь иногда брал с собой меня. Мы стояли молча, кутаясь в шарфы, и смотрели, как солнце красит купол Исаакия в розовый. Дышали холодным воздухом с Невы. Молчали.

Однажды он спросил:

— Расскажи про отца.

Я удивилась — он редко спрашивал о личном. Но рассказала. О Ягодном, о беседке, о запахе дерева после дождя. О том, как отец учил меня забивать гвозди: «Бей точно, Лина. Сила без точности — разрушение». О том, как он умер — тихо, в больничной палате, держа меня за руку.

Эрик слушал, не перебивая. Когда я замолчала, он сказал:

— Хороший был человек. Жаль, что я не знал его.

И всё. Но от этих простых слов у меня защипало в глазах.

В другой раз он спросил про мать. Я отрезала коротко: «Она ушла, когда мне было семь. Я её не помню». Он не стал расспрашивать дальше — и я была благодарна.

Однажды утром я нашла на своём столе лист.

Плотный, кремовый, формата А3. Карандашный эскиз. Мой портрет: профиль, волосы собраны в пучок, несколько прядей выбились и падают на лоб. Глаза опущены — я смотрю на чертёж, который держу в руках. Свет падает из окна, обрисовывая скулы. И подпись — его летящим, архитектурным почерком: «Архитектор души».

Я стояла над этим листом, боясь прикоснуться. Он нарисовал меня. Эрик Ван дер Меер, который не рисовал ничего, кроме чертежей, — нарисовал мой портрет. И назвал меня архитектором души.

Вера, которой я послала фото эскиза, ответила одним словом: «Влюбился». Я отбросила телефон. Не хотела думать об этом. Боялась сглазить. Боялась поверить. Но портрет спрятала в ящик стола, подальше от посторонних глаз, и каждый вечер перед сном смотрела на него, чувствуя, как внутри разливается тепло.

А ещё я ловила себя на том, что жду рассветов. Его голоса. Его редких взглядов. Его молчания рядом.

Это было опасно. Но я ничего не могла с собой поделать.

Глава 11. Чужая

POV: Эрик

Я не понимал, что происходит.

Эта девушка нарушала все мои правила — одно за другим, методично, будто у неё был список. Она смеялась слишком громко. В моём доме, где годами стояла тишина мавзолея, её смех разносился эхом и застревал в углах. Она пачкала стерильные поверхности: оставляла кружки с недопитым чаем на подоконниках, разбрасывала карандаши на столе, вешала на спинку стула свой дурацкий шарф — ярко-зелёный, единственное цветное пятно в моём монохромном мире.

Она не боялась меня. Спорила, когда была не согласна. Закатывала глаза, когда я был излишне педантичен. Однажды назвала мой дом «моргом с панорамными окнами» — и я поймал себя на том, что не злюсь.

Я смотрел на неё через стеклянную стену кабинета. Вот она высунула кончик языка, выводя сложный узел. Вот заправила за ухо выбившуюся рыжую прядь. Вот тихо выругалась — кажется, программа зависла. Солнце из окна падало на её волосы, делая их золотыми. И я поймал себя на том,

что улыбаюсь.

Я одёрнул себя. Отвернулся от стекла.

«Не смей. Ты её сломаешь. Ты всё ломаешь, к чему прикасаешься».

Но слова уже не работали. Я твердил их как мантру — каждое утро, каждую ночь, — а потом шёл на кухню и варил для неё кофе. Шёл на крышу и стоял рядом, чувствуя тепло её плеча. Рисовал её портрет ночью, когда она спала, и не мог остановиться.

Я проверил её дело ещё раз — уже не как руководитель, а как кто-то, кому важно знать о ней всё. Лина Морозова. Двадцать один год. Сирота. Стипендия. Подработки. Ни одного пятна в зачётке. Ни одного романа, судя по соцсетям. Только архитектура. Только цель.

И ещё — талант. Дикий, неограниченный, бьющий через край. Тот самый, который я когда-то похоронил в себе.

Кто ты, Лина? Почему ты здесь? Почему именно ты пробила мою броню, которую не могли пробить семь лет одиночества?

Ответа не было. Был только страх. И была надежда — робкая, почти забытая.

В четверг приехал Кристиан.

Я не видел его с момента катастрофы. Он вошёл в бюро без звонка — высокий, холёный, в пальто цвета верблюжьей шерсти и с улыбкой, которая всегда напоминала мне акулий оскал. За ним тянулся шлейф дорогого парфюма и старых грехов.

— Эрик, дружище! — он раскинул руки, будто мы расстались вчера за кружкой пива. — А ты не меняешься. Всё тот же мрачный гений.

— Кристиан, — ответил я, не вставая. — Зачем ты здесь?

— В городе проездом. Дай, думаю, загляну. Слышал, у тебя новый проект?

Я не отвечал. Он прошёлся по кабинету, бегло глядя на стены, на чертежи, на макет «Собора». Остановился у стеклянной стены. Посмотрел в общий зал — туда, где сидела Лина.

— Свеженькая? — он ухмыльнулся, кивая в её сторону.

— Рыженькая, хорошенькая. Не боишься повторения?

Внутри у меня всё сжалось в ледяной ком.

— Она — студентка-практикантка. Ничего больше.

— Ну да, ну да. — Кристиан прищурился. — Я же тебя знаю. Ты всегда выбирал талантливых. А потом они почему-то страдали.

— Уходи.

— Уйду. Но ты помни: я знаю, что случилось на «Горизонте». И я знаю, кто виноват.

Дверь за ним закрылась. Я сидел, глядя на опустевший проём. Сердце колотилось так, что я чувствовал пульс в шрамах.

Что ему нужно? Почему сейчас?

Я посмотрел на Лину через стекло — она ничего не заметила. Сидела, склонившись над чертежом, и ничего не знала о том, что рядом только что прошёл призрак моего прошлого.

Я должен защитить её. Даже если для этого придётся снова встретиться с демонами.

Глава 12. Призрак прошлого

POV: Лина

Кристиан подловил меня в обед.

Я вышла в кофейню за углом — нужно было проветрить голову после четырёх часов работы над вентиляцией зимнего сада. Он сидел за столиком у окна, пил эспрессо и улыбался так, будто ждал меня специально.

— Лина, верно? Я Кристиан, старый друг Эрика.

Я остановилась. Инстинкт подсказал: этот человек опасен. Но я взяла кофе и села. Хотела понять, что ему нужно.

— Я много слышал о вас, — продолжил он. — Говорят, вы талантливы. И смелы. Не каждый решится работать с Ван дер Меером после того, что случилось.

— После чего?

Он поднял бровь, изображая удивление:

— Он вам не рассказал? О «Горизонте»? Об обрушении?

О четырёх погибших?

— Рассказал, — сказала я ровно. — Он был на площадке и пытался спасти людей.

— О, он вам так рассказал? — Кристиан ухмыльнулся. — А не рассказал ли он вам, кто подписал чертежи с нарушениями? Кто выбрал подрядчика, который экономил на материалах? Кто в итоге виновен в смерти тех людей?

— Подрядчик сел в тюрьму.

— Козёл отпущения. Настоящий виновник до сих пор на свободе и проектирует «Соборы Искупления». Красивое название, правда? Искупление. Значит, есть в чём.

Я смотрела на него, и внутри поднималась волна гнева.

— Вы лжёте.

— Спросите у него сами. Только не удивляйтесь, если он не ответит. Эрик мастер прятаться.

Он встал, бросил на стол купюру и ушёл, оставив меня с холодным кофе и камнем в груди.

POV: Эрик

Она спросила вечером.

Мы сидели в гостиной, обсуждали план кровли. Она была непривычно тихой. А потом, без предисловий:

— Эрик, сегодня я говорила с Кристианом.

Я замер. Имя ударило, как хлыст.

— Зачем?

— Он сам подошёл. Рассказал свою версию «Горизонта». Сказал, что вы... — она замялась. — Что вы виновны.

Я чувствовал, как внутри всё леденеет. Маска, которую я носил годами, вернулась на место сама собой — быстрее, чем я успел подумать.

— Это неправда, — сказал я. — Но я не буду это обсуждать. Никогда.

— Эрик...

— Я сказал — никогда.

Я встал и ушёл в мастерскую. Закрыв дверь. Сел за рояль. Но играть не мог — пальцы дрожали.

Она знает. Не всё, но достаточно. И теперь она будет смотреть на меня по-другому. С сомнением. С подозрением. Как все.

Ночью мне снова снился «Горизонт». Пыль, крики, кровь на руках. Виктор, который просит передать дочери... Что передать? Я не помнил. Я никогда не помнил.

Я проснулся от собственного крика.

POV: Лина

Крик разорвал тишину ночного дома.

Я подскочила на кровати, сердце колотилось. Не думая, накинула свитер и побежала в его крыло. Дверь в спальню была приоткрыта — он никогда не оставлял её открытой.

Эрик сидел на кровати. В одних брюках, босой, без перчаток. Шрамы на руках белели в свете луны. Он тяжело дышал, лоб блестел от пота.

— Эрик, — позвала я тихо.

Он вздрогнул, будто не сразу понял, кто я. Потом провёл ладонью по лицу.

— Уходи, Лина. Это не то, что тебе нужно видеть.

Я не ушла. Села на край кровати.

— Расскажите мне. Пожалуйста.

Он молчал. Я уже думала, что он прогонит меня снова. Но он заговорил — глухо, отрывисто, глядя в стену.

— Материалы были поддельными. Арматура — ниже проектной марки, бетон — с нарушениями. Я не знал. Подрядчик предоставил липовые сертификаты. Когда рухнула секция, я был на площадке. Пытался вытащить людей. Резал руки об арматуру, пока не содрал кожу до костей. Вытащил одного. Остальных — нет.

Он замолчал. Я слушала, боясь дышать.

— Кристиан был моим партнёром. Он должен был контролировать поставки. Но он исчез в тот же день. Оставил меня разбираться с прессой, с полицией, с семьями погиб-

ших. А потом сказал, что это я виноват.

— Почему вы не рассказали правду?

— Потому что мне никто не верил. Потому что я — главный архитектор. Потому что ответственность всегда на мне.

Он замолчал. Я смотрела на его руки — шрамы, рубцы, стянутая кожа. Ру

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.